

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44
М59

Иллюстрация на переплете *Яны Наумовой*

Миклашевская, Ольга.

М59 Змеи. Гнев божий / Ольга Миклашевская. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-102319-5

Горгона Медуза скрывается от жаждущей мести жены Персея. Гамаюн покидает райский сад, чтобы отправиться в тюрьму, из которой еще никому не удавалось сбежать. Соловей-разбойник живет в общежитии и мечтает вернуть бывшую жену. А у птицы Феникс только один шанс вновь переродиться: совершить очередное убийство. Чей план сработает, а кто навсегда останется в теле человека?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-04-102319-5

© О. Миклашевская, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

• Оглавление •

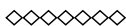
1. Как бог до людей	9
2. Живи тихо — не увидишь лиха	28
3. Варит черт с москалем пиво	46
4. Что лживо, то и гнило	64
5. Без суда не казнят	81
6. Жена без мужа — всего хуже	99
7. Где сосна выросла	117
8. Дальше будешь	135
9. Вылетит — не поймаешь	153
10. Оба два, а ни в одном добра	171
11. В тихом омуте	192
12. И коза волка съедала	210
13. На дурака была надежда	225
14. Кровь не водица	243

· ОГЛАВЛЕНИЕ ·

15. ...Чем никогда	262
16. Дурной рыбак — дурные сети	279
17. Сам из ямы не вылезешь	296
18. Пей да людей бей	318
19. Целых два чина: дурак да дурачина	333
От автора	350

История перед вами — исключительно плод воображения автора. Роман ни в коем случае не является пособием по славянским и древнегреческим верованиям и культурам. А вот про монстров внутри людей все правда.

Соне

• 1 •

КАК БОГ ДО ЛЮДЕЙ

Ноябрь, 2017

О том, что мать умерла, Глебу традиционно сообщают по телефону. Короткое эсэмэс от старшего брата, несколько слов — «инсульт», «не смогла», «старость» — и все. А нет, не все: еще подмигивающая рожица в конце.

Сейчас уже бесполезно вспоминать ее огненно-рыжие волосы, худые руки и впалые глазницы. Нет смысла представлять, что она тут, совсем рядом, осуждающе смотрит на него и качает головой. Она была сильной женщиной, на которую все равнялись.

Глеб часто моргает, пытаясь остановить подступающие слезы. Смотрит на горящий экран смартфона и не может поверить. Она не могла уйти вот так! Не могла! Они ведь только вчера разговаривали... Ему будет не хватать ее любимого лица.

Да, точно, это ошибка. Нужно прочитать еще раз, медленно, с холодной головой.

Только вот слова от этого не меняются.

Кто-то невидимый обнимает Глеба, и грудную клетку сдавливает так крепко, что становится невозможно дышать. Один нервный всхлип — и этого проявления слабости хватает, чтобы дать рыданиям вырваться наружу.

Из взрослого мужчины он в одну секунду превращается в маленького мальчика, который отчаянно хватался за материну юбку всегда, когда был напуган. А напуган он был постоянно.

Больше всего на свете маленький Глеб не любил выходить на улицу, потому что если дома от чудовищ еще можно было как-то забаррикадироваться — просунуть смятые футболки в щель под дверь, наглухо закрыть окно, — то на улице *они* оказывались повсюду. Под скамейками, на дне колодца, в помойных ямах... Порой виднелись только кончики чешуйчатых хвостов, но чаще всего змеи смотрели на Глеба своими кроваво-красными глазами и с любопытством высовывали раздвоенный язык, пробуя на вкус витающий в воздухе страх.

— *С-смотри*, — зашипела как-то толстая белая змея своей подружке, — *какой с-славный детеныш*.

— *Видит нас-с*, — едва заметно кивает вторая гадина, — *слышит нас-с. Боится нас-с*.

Они не трогали его. По крайней мере, пока. Они были словно псы, которые очень громко лаяли, но никогда бы не рискнули укусить.

Маленький Глеб часто спрашивал у матери, зачем они преследуют его, но родительница лишь улыбалась и подтыкала сыну одеяло.

— Тебя никто не тронет, — говорила она, теребя тяжелые серьги с чрезмерно большими жемчужинами, — потому что на самом деле это они боятся тебя.

— Почему?

— Ну, у них есть свои причины.

Она редко говорила больше. Вся ее речь была сплошные загадки и недомолвки. Порой ее взгляд говорил больше, чем уста. Одно движение белесых

бровей рассказывает историю всех ее предыдущих жизней.

В одни вечера она была более разговорчива, чем в другие. И тогда Глеб решался задать ей главный вопрос:

— Мама, а кто мой отец? Правда, что?..

Она не кормила его глупыми сказками, не уверяла, что муж умер или отправился в дальнее плавание. Она просто пожимала плечами и кротко поджимала губы.

— Какая разница, сынок?

— Он был необычным человеком, да? — На языке вертелось: «Таким, как ты?», но вместо этого он спрашивал: — Таким, как я?

Мать отвечала:

— Может быть.

Или:

— Не знаю, родной.

Или:

— Все мы немного необычные, ты не находишь?

В глубине души он жалел, что она менялась гораздо быстрее его. Ненавидел ее морщины, которые с каждым годом становились все глубже. Не хотел видеть отрастающие седые корни волос. Мечтал, что тускнеющая сероватая кожа — это причудливая игра затухающей лампы, а вовсе не реальность.

Сам же он старел так медленно, что в один день попытался вспомнить год своего рождения и не смог. В голове числа мешались с сезонами, войнами и, конечно же, вездесущими змеями, которые преследовали его целую вечность и во сне, и наяву.

То, что в один день матери снова не станет, было понятно. Но даже если твой разум к этому готов, сердце — никогда.

* * *

На кладбище их двое: только Глеб и Кирилл. Хотя нет, неправда, тут еще эти противные рептилии. Смотрят, выжидают, наблюдают.

Сотни пар красных глазок заворуженно следят за медленно опускающимся в землю гробом. Их длинные тельца напряжены, готовые в любой момент броситься на оставленную без присмотра жертву.

Глеб больше не может защищать мать. Там, под землей, она станет беззащитной для ползучих тварей, и он даже боится представить, что с ней произойдет позже, когда ноги устанут и ему придется уйти домой.

Брат не плачет, но лучше бы начал, потому что Глеб больше не может выносить эту звенящую тишину, превращающуюся в один протяжный звук. Можно сколько угодно трясти головой, но писк никуда не денется: прилипнет, как жвачка к новым кроссовкам.

Еще было бы лучше, если бы шел дождь. Что угодно, что сделало бы ситуацию больше похожей на сцену из фильма. Но реальность оказывается до жути прозаичной. Такой прозаичной, что на долю секунды Глеб даже желает, чтобы мать умерла в более подходящий день.

Краем глаза он смотрит на Кирилла. Тот весь сжался, уменьшился, хотя и в нормальном состоянии по размерам он совсем не Эверест. Губы сжаты в кривую некрасивую линию, которая делает Кирилла похожим на вот-вот готового зарыдать младенца.

Он целый день не разговаривал с братом, хотя ему о стольком хочется спросить. *Какие были ее последние слова? Вспомнила ли она о нем? Почему именно сейчас? Почему бы еще немного не подождать?*

Все ведь было хорошо. Они были в безопасности.

Продирающиеся сквозь облака солнечные лучи слепят глаза, заставляя щуриться и вспоминать, как мать любила лето и солнышко. У нее было правило: раз в год ездить в Грецию, в одно и то же место, останавливаться в одном и том же отеле и две недели греться на песчаном пляже. В этом году она тоже поступила так и вернулась какая-то особенно воодушевленная и вдохновленная. Глебу даже показалось, слегка помолодевшая.

Всхлип-другой... Но это не Кирилл плачет, а Глеба распирает от чувств, которыми ему не с кем поделиться. «Мужчины не плачут», — постоянно напоминала ему мать. Дело было даже не в стереотипах о мужественности, а в том, что если бы Глеб начал распускать нюни каждый раз, когда пугался притаившейся за углом рептилии, то уже давно превратился бы в параноика.

Он еще раз краем глаза смотрит на брата. Кир — так он иногда называл его — где-то нашел черную рубашку цвета залежалого в домашней аптечке угля. Пиджак на нем сидит свободно, рукава почти закрывают некрупные аккуратные руки. Голова наклонена вперед, словно в молитве, и солнце падает на длинные белесые ресницы.

Сколько раз они уже стояли вот так, бок о бок, над материной могилой, не проронив ни слова?

Глеб с содроганием отмечает, что есть в брате что-то змеиное. Худой, изворотливый, с глазами блеклого голубого цвета, будто заволоченными матовой пленкой. Может, поэтому они никогда не были особенно близки. Даже сейчас, на материных похоронах, стоят друг от друга поодаль, как незнакомцы.

Когда все закончилось, Кирилл говорит:

— Ну, я поехал. — И протягивает брату руку, которая, как чертенок из табакерки, выпрыгивает из широкого рукава.

Поминок не будет. О них никто не позаботился, да и некого приглашать. Сейчас, думая о прошлом, кажется странным, что у матери никогда не было близких подруг. Она была так вежлива, всем улыбалась, могла разговориться с незнакомцами в очереди в магазине. Но, сколько Глеб себя помнит, к ним домой никогда не приходили гости. Даже Новый год они частенько отмечали вдвоем, в компании бутылки шампанского и телевизионного концерта с престарелыми звездами эстрады. Казалось, дотронешься до телеэкрана — и все осыпется прахом.

Она никогда не жаловалась. Ни что денег не хватало, ни что младший сын оказался с прибабахом. Все происходящее с ней она воспринимала как волю небес.

— Глеб?

Голос брата вырывает Глеба из водоворота воспоминаний. На какое-то мгновение он теряется и не может понять, где сейчас находится и кто этот стоящий напротив него щуплый человечек.

— А, да, прости. — Глеб хлопает брата по плечу, чем немного смущает его, и рука Кирилла тут же прячется обратно в пиджак.

— Ты, это, звони. Если деньги еще понадобятся или чего еще, — эхом доносится от уходящего к парковке Кирилла. Хотя, безусловно, он не имеет в виду ни слова из того, что говорит. Если переводить, выйдет так: «Никогда не связывайся со мной, что бы ни случилось».

Кир не видит змей. Он идет прямо по их скользким телам, наступает миниатюрными подошвами

на их треугольные головы, и по сколотым плиткам растекаются маленькие мозги.

Если семья — это кровь и близость, то Глеб с Кириллом так же близки, как разнополярные магниты. Попытайся поцеловать другого в щеку, и его мистической силой оттянет на другое полушарие.

«Может, все к лучшему», — проносится в голове у Глеба. Но где-то глубоко внутри прорастает зернышко правды: ему бы хотелось быть рядом с братом, даже если тот его боится.

Удаляющаяся по тропинкам фигура Кира становится все мельче. Он как будто тает на холодном осеннем солнце, а великоватый костюм постепенно поедает его живьем, пока наконец из ворота не остается торчать только небольшая белобрысая голова.

— Я тебя вижу, — бормочет Глеб, продолжая стоять и смотреть в уплывающего в закат брата.

Из-за соседнего надгробия с непропорционально большим крестом и фарфоровой фигуркой ангела у основания (как до сих пор не украли?) показывается девочка-подросток с морковной шевелюрой и таким плотным роем веснушек, что под ними почти не видно настоящей кожи.

Девчонка такая же тоненькая, как Кирилл, но эта худоба временная. Всего через несколько лет тело округлится, а черты перестанут быть такими острыми. Плечи опущены вниз, губы поджаты.

— Давно ты там стоишь? — спрашивает Глеб, а сам по-прежнему не отрывает взгляда от чугунных ворот, хотя там уже никого нет.

— Не очень.

Не дожидаясь приглашения, девочка крепко крепко прижимается к его боку. От нее веет холодом, который чувствуется даже сквозь шерстяное пальто.